

Каптерев Н.Ф., 1909 г.

Глава VII. Борьба протопопа Иоанна Неронова с патриархом Никоном

Иоанн Неронов, как глава всех недовольных патриархом Никоном. Громадная популярность Неронова. Его уверенность, что он находится под особым божественным, водительством и что сам Бог призвал его к общественной деятельности и к борьбе с недостойным патриархом Никоном. Неронов всегда признавал греческих патриархов православными и их высший авторитет в русских церковных делах. Неронов боролся лично только с Никоном, а не с церковью и ее иерархией. Примирение Неронова с Никоном было примирением с церковью, а не с личностью Никона, хотя он и привял потом все произведенные Никоном церковные реформы.

Никон спешно и энергично, без всякой серьезной помехи с чьей либо стороны, проводил свои церковные реформы. А между тем против этих реформ в обществе существовало очень сильное, хотя и скрытое, неудовольствие, которое само по себе может быть и не имело бы особенно важного значения, если бы этим обстоятельством, как нельзя лучше, не воспользовались члены кружка ревнителей благочестия, которые открыто стали на сторону всех недовольных Никоном. Главным деятельным борцом против Никона теперь сделался Иоанн Неронов, один из самых видных, влиятельных и популярных людей в Москве. Мы уже знаем, что Неронов был ближайшим другом влиятельного царского духовника, протопопа Стефана Вонифатьевича, который сам во многом подчинялся пылкому, энергичному и учительному настоятелю московского Казанского собора. Благодаря отчасти Стефану, а также и предшествующей своей деятельности, Неронов лично хорошо был знаком царю, царице и всей царской семье, среди которой он пользовался и расположением и уважением; бояре, и вообще люди знатные, тоже хорошо знали Неронова, как пастыря во всех отношениях выдающегося, и со многими из них у него существовали личные, не посредственные, близкие отношения; он пользовался и среди всех вообще москвичей большою популярностью благодаря введенным им в Казанском соборе новым богослужебным порядкам: единогласному пению и чтению, правильному неопустительному чтению отеческих поучений, соблюдению во всем богослужении строгой чинности и истовости, требование от всех молящихся стоять в церкви смиренно и чинно; наконец Неронова знали все бедные, больные, увечные, сирые и несчастные, так как Неронов по мощи всем бедным и несчастным считал одною из первых своих пастырских обязанностей. Естественно было поэтому, что к заявлениям такого всем известного и уважаемого человека не могли остаться равнодушными ни царь, ни патриарх, ни все общество — все невольно прислушивались, что говорить про нового патриарха, и говорить так смело и решительно, всем известный и всеми

высокопочитаемый протопоп Казанского собора. Но Неронов был не один, вокруг него, вполне разделяя его воззрения на Никона, и безусловно сочувствуя его смелому и энергичному протесту, стояли другие ревнители: протопопы — Аввакум, Лазарь, Даниил, Логгин, а также епископ Павел коломенский, и другие духовные и светские лица, которые находились в сношениях и даже переписке с Нероновым. Все они видели в Неронове выразителя своих воззрений, своего главу и руководителя, смотрели на него, за его смелые обличения грозного патриарха, с величайшим уважением и почтением, граничащим с благоговением. Вот как выражается, например, протопоп Аввакум в своем письме к Неронову, от 14 сентября 1653 года, когда Неронов находился в ссылке в Спасокаменном монастыре: «ты (Неронов) подобен, пишет Аввакум, еси Павлу (апостолу), благодать устны твоими действует; яко Павловыми. Аз грешник, помня слезы твоя, и радости сполняюся, днем и ночью воспоминание приемля о сущей в тебе нелицемерней вере. Благодарю укрепляющего мя Христа и Спаса Господа нашего, яко верна мя помыслив и положив мя в службу, бывша иногда хульника и гони теля и досадителя, но помилован бых за молитв твоих». Свое особое высокое уважение к Неронову, обыкновенно отличавшийся крайнею нетерпимостию Аввакум, выражал даже и тогда, когда Неронов уже принял троеперстие и соединился с церковью. В письме из Мезени к игумену Феокисту Аввакум пишет: «про все пиши: про старцово (т. е. Неронова) житье мне не пиши, не досаждай мни им: *не могут мои уши слышати о нем хульных глагол ни от ангела*. Уж то грех ради моих в сложены перстов малодушествует». Игумен Феокист, в письме к Стефану Вонифатьевичу, от 13 июля 1654 года, выражает желание, чтобы на место Никона Стефан сделался патриархом и, влияя на государя, умиротворил церковь «внимая прилежно отца Иоанна глаголом», т. е. если бы Стефан сделался патриархом, то его руководителем в управлении церковью должен бы стать, по убеждению ревнителей, Неронов, как признанный всеми глава и авторитет в делах веры и церкви. О самом Неронове тот же игумен Феокист, в том же письме к Стефану, говорит, что Неронов показывает «и во устах рвете по благочестию и к Богу присную любовь. Зрети бо его, яко ангела ликующа в небесных: сице во истину и того в скорбех, и светло зело умом зряща Владыку всех Бога, и никак о земных радяща, и скорби презирающа и любезне беда терпяща». Никон гонит и преследует Неронова, но у него всюду находятся друзья, сторонники, последователи, его, сосланного под начало и в заточение, везде встречают с особою честью и уважением, как мужественного и невинного страдальца за правду. Когда Неронов был сослан Никоном под начало в Каменный монастырь на Кубенском озере, то «архимандрит тоя обители Александр прият его радуяся и глаголя, яко страдальца видтеи сподоби мя Бог древняго, — даруя тому честь, и выше келаря поставляя его в церкви, новый войлок овчий подложив тому под ноги; и в келии жити повелевая со отцем его духовным священником Григорием, и слугу ему дал для чести; и из поварни прибавочные ествы приносить к нему повелевая в келью первому слуге, Смирнову-Афанасьеву, а имя ему Тит. А прочим слугам квасу доброго ко отцу Иоанну носит повелевая в оловяниках, — братины мденые с покрывалами!» Точно также почетно встречен был Неронов и в Соловецком монастыре, куда он прибыл при своем бегстве из Кандалагжского монастыря. Отпуская беглеца в Москву, соловецкий архимандрит Илия напутствовал его такими словами: «страдалче, бием одолевай! храбрый воине, подвизайся!» Даже простой

народ всюду оказывал Неронову свое особое расположение и горячую приверженность к нему, видел в нем борца за правду, народного милостивца и невинного страдальца. Биограф (современник) Неронова замечает: «прости людие зло любляху Иоанна, яко проповедника истинне, и пред цари не стыдящася, по пророку, и много истинно страждуща, — страдальца и мученика того нарицаху». Когда Никон послал арестовать скрывавшегося Неронова, и посланные напали было на его след, «то христиане тоя волости скрыша Григория (монашеское имя Неронова), а посланных от патриарха оскорбиша. Григорий же молящу тех, да не паче меры с посланными крамолят; тии же рекоша: до смерти за тя, страдалче Христов, готовы пострадати. Иоанна убо сохраниша, сами же многу беду подъяша. Паки патриарх повеле многих прислать в ту волость, и иереев и мирских оковав в царствующем граде Москве во темницу посадити повели, и мнози от них в темниц и умроша от великия нужды, а инии мнози скорби и напасти подъяху, любви ради, ее же имяху ко Иоанну. Христолюбцы же, аще и многи беды, их же зряху, братия их страждут, но яко зеницу ока, или яко отца, Иоанна храняху, и в домах своих, яко Божия Ангела, держяху и любезно в сладость послушаху». Понятно почему народ так сильно был привязан к Неронову, что многие, ради защиты его от преследований Никона, шли в тюрьму и там умирали. В записке о жизни Неронова сказывается между прочим и следующее: «некоего лета бысть глад в пределах града Вологды, и мнози, хлебные ради скудости, ядяху траву, и корения, и вахту, и млеко в днии постные, и приходяще к отцу Григорию (который тогда жил в Игнатъевой пустыни около Вологды) прошаху милости, да утолит их от глада того. Григорий же, яже имяше, даяше требующим, и много множество собирая по градам хлеба, кормяше приходящия к нему; даяше же и семена от обители своея земледльцем на сеяние нив их. И тако во время глада прокорми народ безчисленный». Но и этим Неронов не ограничивался. «Хождаше милостыни ради, говорить записка о его житии, в царствующий град Москву, а наипаче заступления ради бедных, понеже многих ради бед и напастей многих, приходящи к нему от различных градов, моляху того о заступлении, яко знаемый бе царем и боляры свидетельствованного ради в добродетелех жития его и страдания, и, многое множество заступая, избавляние от уз, и темницы, и от смертныя градския казни. И возвращашеся от царствующаго града в свою пустыню с довольною милостынею, от царя и от прочих боголюбцов подаваемою, и вся собранная влагаше в утробы нищих, пекийся яко отец всем душевне и телесне». К нему в пустыню, из Вологды и окрестных сел, приходило множество народу всякого чина, возраста и пола, и всех их он радушно и любезно принимал, «и не токмо в церкви, но и вне церкви, и келии всех поучаше и наслаждаше божественным писанием — духовною пищею». По окончании службы и церковных поучений повелваше посадити всех гражданов и поселян в трапезе, а невмещающихся, множества ради, вне трапезы, и всем пищу одинаку и равну предлагати. Сам же, обходя сидящия, призираше всех. Во время же трапезования повелеваше читати божественныя книги, а сам толкование всем чтомое. По совершении же трапезы отпускаше в дома их, насыщенных пищею сугубою, телесною и душевною». Понятно, что такое отношение к приходящим в обитель производило на всех очень сильное впечатление и притом крайне благоприятное для Неронова. «Людие же, говорит записка о его жизни, пришедши в город и веси своя, поведаху друг другу, удивляющася дивному его учению, и

добродетельному житию, и милостыне, и страннолюбю, яко в прежних летех николи же
явися   таков   человек   в   стране   той».

Действительно Неронов, по всей своей деятельности, не только был для того времени выдающимся пастырем церкви, истовым, строгим исполнителем церковных уставов, всегда учительным и назидательным, смелым неустрашимым обличителем всякого нечестия, неправды, порока — и пред архиереями и патриархом и самим царем; в то же время он был замечательным, выдающимся общественно-народным деятелем: он был горячим и убежденным народолюбом, который во время неурожая заботился о прокормлении голодающих крестьян, для чего он ездил за сборами по разным городам, чем спас множество семей от голодной смерти; кроме того, он раз давал потерпевшим неурожаем крестьянам смена для посева на будущий год, чтобы предупредить голод и в будущем; он энергично и настойчиво заступался пред властями за всех бедных и несчастных, попавших в беду, и даже нарочно ездил в Москву хлопотать за них и, благодаря его ходатайствам и заступлению, многие спаслись от уз, темницы, а иные и от казни; на духовное просвещение народа он обращал всегда самое серьезное внимание и затрачивал на него массу труда, времени и энергии: все его постоянные и неопустительные церковные и внецерковные поучения направлены были на просвещение народа, на сообщение ему более правильных религиозно-нравственных понятий — в своем монастыре он устроил нечто вроде школы.[Записка о житии Неронова говорит: «мнози от граждан приводяху к нему чада своя и вдаваху в научение книжное: Иоанн же, яко истинный и чадолюбивый отец, всех любезне приемля, без мзды чаша с прилежанием многим; а старцы, в сладость приемлюще учение его, вскоре книжного разумения навыхаху, молитвами и прилежанием учителя своего». Очевидно, Неровов был убежденным сторонником распространения в народе грамотности путем дарового обучения.] Естественно, что народ благоговел пред таким необыкновенным всесторонним и всею душою преданным ему деятелем, глубоко чтил его и, при случае, готов был за него идти в тюрьму и да же на смерть. Гонения и преследования Никона только возвышали в глазах народа престиж Неронова, создавали ему репутацию невинного страдальца за правду, окружали его ореолом мученичества и даже прямо делали его, в глазах его почитателей, святым мужем, на котором почиет особая благодать Божия. Впрочем и сам Неронов искренно верил, что он имеет к общественной деятельности особое чрезвычайное призвание от Бога, и что он действительно находится всегда   под   особенным   водительством   Божиим.

В одной челобитной царю Неронов указывает ему на возможное появление антихриста, который только «малыми (немногими), их же утвердить Духа Святого благодать, по знаваем будет». Вот к числу этих-то немногих, утвержденных благодатию Св. Духа, и причисляли себя Неронов, Аввакум и другие члены кружка ревнителей. В силу особой дарованной им благодати Св. Духа, они лучше других видели, понимали и оценивали окружающие их явления и все текущие события жизни, особенно церковные, и потому лучше других, лучше самых церковных властей, в большинстве погруженных в мирские дела, заботы и интересы, могли руководить и направлять по истинному настоящему пути

все течете церковной жизни, предохранить и оберечь ее от уклонений на пути ложные и гибельные для православия. Но кроме этой общей, так сказать, благодатной и сверхъестественной почвы, на которой коренилась, выростала и развивалась их общественная деятельность, они еще, во всех важнейших случаях, получали обыкновенно на каждый раз особые специальные свыше указания, видения, знамения, благодаря чему их действия и были, в их глазах, безошибочны, непогрешимы, вполне согласны с волею Божиею, хотя бы они и шли в разрез с волею человеческою, выражаемою властями, светскими и духовными, Вот почему они и не боялись решительно и открыто противоречить всем властям, резко обличать их и даже вступать с ними в прямую борьбу, — так поступать было их долгом и обязанностию, как людей находящихся под высшим божественным водительством. Та божественная сила, которая их, как своих избранных, просвещала, направляла и давала им возможность уразумевать истинный смысл текущих событий, скрытый от других, — эта же божественная сила вместе с тем оберегала и охраняла их в трудные и скорбные минуты их жизни, воодушевляла и подкрепляла их на продолжение борьбы, почему они твердо были уверены, что во всех случаях Бог не оставит их своею помощью, спасет их от беды, гонений, преследований, что проповедуемая ими истина и правда всегда в конце восторжествуют над ложью и неправдою их противников. И они действительно сами на себе испытали и постоянно имели пред глазами, казалось им, реальные, неопровержимые факты, что рука Божия непосредственно руководит ими и охраняет их во всех путях их. Сомнений, казалось, тут не могло быть. Неронова заковывают в цепи и сажают в тюрьму. Но, по его молитве, цепи сами спадают с него, дверь тюрьмы сама отворяется, и он спокойно выходит на свободу. В другой раз жестокий пристав, отвозивший Неронова на местоссылки, старательно заковывал его в цепи. Но всякий раз, как пристав ни старался, цепи сами собою спадали с святого узника. Раз братия того монастыря, куда сослан был Неронов, выведенная из терпения его постоянными назойливыми обличениями, решила так или иначе избавиться от беспокойного, несносного обличителя. Иноки нарочно, напив жарко келью Неронова, напустили в нее чаду и заперли в ней узника, чтобы он умер от угару. Неронов, «воздев руке к Богу», стал молить Его о спасении «пользы ради инех». Молитва его была услышана. «Невидимою рукою в полнощи» Неронов неожиданно взят был из угарной кельи «и поставлен за девять-десять поприщ на Холмогорах в храме воина некоего». Так сам Господь заботился о своем избраннике, охраняя его от разных бед и злоумышлений недобрых людей. — Если Неронов вступил в борьбу с патриархом Никоном, то не потому только, что он сразу увидел в Никоне человека совсем непригодного для занятия патриаршей кафедры, но главным образом потому, что получил на этот счет особое указание свыше, когда, во время молитвы, услышал от образа Спаса обращенный к нему глас: «Иоанне, дерзай и не бойся до смерти: подобает ти укрепить царя о имени моем, да не постраждет днесь Русия, яко же и юниты». Неронов, постригшись в монахи, сделался простым старцем Григорием и, по тогдашнему русскому обычаю, строго соблюдаемому некоторыми, не мог священнодействовать, о чем он сильно сокрушался особенно по тому, что в монастыри, где он жил, не было тогда священника и служба не совершалась даже в Пасху. Тогда скорбевшему об этом Неронову явился сам Христос с ангелами и разрешил ему священнодействовать и при том по

старым служебникам.[Известно постановление собора, бывшего в храме св. Софии при патриархе Фотии: «аще который епископ, или кто иной архиерейского сана, восхощет снити в монашеское житие и стати на место покаяния:: таковой впредь уже да не взыскует употребление архиерейского достоинства. Ибо обеты монашествующих содержать в себе долг повиновения и ученичества, а не учительства или начальствования: они обещаются не иных пасти, но пасомыми быти. Того ради, как выше речено, постановляем: да никто из находящихся в сословии архиереев *и пастырей* не изводить сам себе на место пасомых и кающихся. Аще же кто дерзнет сотворити сие, после провозглашения и приведения в известность произносимого ныне определения: таковой, сам себя устранив от архиерейского места, да не возвращается к прежнему достоинству, которое самым делом отложил». И сейчас на православном востоке нет ни одного архиерея монаха. Там архиереи избираются из неженатых духовных лиц — не монахов, и если архиерей вздумает постричься в монахи, он, согласно приведенному соборному правилу, лишается архиерейства. наших архиереев-монахов теперь православный восток совсем не знает и сочетание монашества и архиерейства в одном лице признает явлением совершенно ненормальным и антиканоническим. В силу приведенного правила в древней Руси с белыми священниками, постригавшимися в монашество, дело стояло так, что с принятием монашества они поступали в разряд простых старцев и теряли право священнодействовать. Когда протопоп Стефан Вонифатьевич привял монашество, он стал простым старцем Савватием, а протопоп Неронов — старцем Григорием, при чем, когда в его пустыне не было священника, она оставалась без церковной службы даже в Пасху, так как сам старец Григорий уже не имел права священнодействовать. Только сам Христос, явившийся Григорию с ангелами, снова дал ему право совершать священнодействия.] И когда Неронов, в силу бывшего ему видения, начал священнодействовать,, но не поведал о бывшем ему видении Христа властям, то Христос снова явился ему с ангелами и велел побить его «двумя дубцами», после чего Неронов поспешил явиться к местоблюстителю патриаршего престола Питириму, который вполне уверовал в рассказ Неронова о бывшем ему видении. Неронов обладал и особым даром провидеть грядущие события политического и общественного характера. Так он энергично советовал еще царю Михаилу Феодоровичу и Филарету Никитичу не начинать войны с Польшею (вероятно 1632—1633 г.), потому что «прозрел духом, яко не имут одолети сопротивных, но токмо кровь христианская имать пролиться всеу, того ради много моли царя и патриарха о умирении там брани, дабы не пролилася кровь христианская». За такое предсказание Неронов угодил в ссылку в Корельский монастырь, из которого впрочем скоро был возвращен. В 1653 г. Алексей Михайлович готовился к войне с Польшею, и Неронов настаивает пред ним не начинать похода, а прежде всего установить церковный мир, потому что, пророчествует он, без соблюдения этого условия «крепости не будет имети быти хотящая брань, но за премногое прогневание владыки нашего Бога велия погибель и тщета будет». За это предсказание Неронов ничего не потерпел, конечно потому, что оно оказалось совсем неверным — война с Польшею на этот раз была очень удачна. В 1654 году Неронов предсказывал Никону: «да время будет и сам с Москвы поскочишь, ни ким же гоним, токмо Божиим изволением! Да и ныне вам всем глаголю, что он нас (т. е. Нерона, Аввакума и других) дале посылаем., то вскоре и самому ему бегать!» Это

предсказание Неронова Никону потом действительно во всем сбылось. Неронов предсказал имеющий появиться на Руси мор. «Иоанн, говорит его биограф, пророчествовал о приближающемся наказании Божии, и писаше к неким боголюбцем, яко грядет гнев Божий с смертоносною язвою. Писа же и супруге своей, да примет чин иноческий, яко грядет мор; и собьются то его пророчество вскоре». — Мы уже не говорим о том, что Неронов, подобно всем ревнителям, с помощью усердной молитвы и окроплеша святою водою, исцелял «бесные и кличущия», которых к нему приводили во множестве.

Не следует думать, чтобы Неронов, рассказывая о бывших с ним разных чудесных сверхъестественных явлениях, указывающих, что он находится под особым божественным водительством, сознательно говорил не правду, в видах обманывать других и прослыть в их мнении святым человеком. Напротив, он был искренен в своих рассказах, и сам первый верил в их непреложную истинность и действительность, а в этой-то уверенности изаключается вся страшная сила подобных людей, которая всем их действиям сообщает необыкновенную смелость, решительность, несокрушимую энергию, готовность идти на муки и смерть за свои убеждения, за то, что они считают истиной и правдой. Борьба с такими людьми внешними средствами, хотя бы самыми суровыми и жестокими, обыкновенно ведет к противоположным результатам. Борьба такими средствами не убивает и даже не ослабляет этой силы, а только укрепляет ее, приводит в высшее напряжение, а вместе с тем привлекает к ней внимание и невольное сочувствие общества. Никон сделал крупную ошибку борясь с этой силой только средствами своей громадной внешней силы: расстрижениями, ссылками, заточениями. Преследуемая им сила не только не уმაлялась от этих преследований, но все более росла, крепла и расширялась, пока не вызвала наконец формальный раскол в русской церкви.

Неронов, как мы ранее видели, в своих посланиях к царю и в письмах к другим лицам, употреблял все усилия дискредитировать Никона в мнении царя, царицы и Стефана Вонифатьевича, при чем он изображал Никона человеком очень жестоким, несправедливым, самовластным, очень опасным и для церкви и государства. В патриарших действиях Никона, особенно по отношению к кружку ревнителей, Неронов находил только лицемерие, неправду, мстительность, нарушение всех законных норм и правил церковного суда; в церковных его распоряжениях — легкомыслие и самочиние, а в общем находил, что Никон, как по своим личным качествам, так и по своим патриаршим действиям, совсем неподходящее лицо для патриаршей кафедры.

Но все усилия Неронова очернить Никона в глазах царя не имели никакого успеха. Алексей Михайлович думал тогда, что он лучше Неронова знает Никона, и потому совсем не верил никаким наветам на последнего, тем более что Неронов выражал свои жалобы и обвинения на Никона слишком беспокойно и страстно, так что они невольно производили впечатление несдержанных, пристрастных, а иногда и прямо грубых выходок лично обиженного и лично заинтересованного в деле человека, всячески усиливающегося поговорить своему противнику как можно больше обидного и оскорбительного. Алексей

Михайлович не только не поверил Неронову, но, чрез своего духовника, даже совсем запретил ему писать к себе. Все другие попытки Неронова повлиять на царя чрез царицу и Стефана Вонифатьевича, также не имели успеха. Но Неронов, потерпев неудачу при дворе, не оставил однако борьбы с Никоном, теперь он решил перенести ее в народ, и при всяком удобном случае стал пропагандировать свои взгляды на Никона в народе, к которому обращался с зажигательными речами. Отправляясь в ссылку, Неронов проездом остановился в Вологде, где, по окончании службы в соборе, обратился к народу, по его собственному сообщению, с такою речью: «Священницы и вси церковная чада! Завелися новые еретики, мучат православных христиан, которые поклоняются по отеческих предании, такожде и слог перстов по своему умыслу раз вращение сказуют, да за то раб Божиих мучат, и казнят, и в дальные заточения посылают. Аз, грешный, в крестовой, пред собором всех властей, говорил те слова: подал, равноапостольный благочестивый государь, Царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси тебе (т. е. Никону) волю, и ты, не узнавша, тако всякия ругания творишь, а ему, государю, сказываешь: я-де делаю по евангелию и по отеческим преданием! Ано ты так говоришь, как в евангелии сказует: поругалися жидове истинному Христу! И во отеческом такожде их мучении от развратников, аще бы не мирския власти заступали их. Да время будет и сам с Москвы поскочишь, никимже гоним, токмо Божиим изволением! Да и ныне вам всем глаголю, что он нас дал посылает, то вскоре и самому ему бегать! Да и вы, аще о том станете молчать, всем вам пострадать! Не единым вам глаголю, но и всем, на Москвеи на всех местех, за молчание всем зле страдати! А во оном веце что ответ дадим Владыце нашему истинному Христу и святым его страдальцем?».

Понятно, что Никон не мог остаться равнодушным к нападкам на него со стороны Неронова, к настойчивым попыткам последнего подкопаться под его положение, как патриарха. Никон, с своей стороны, тоже предпринял свои меры и для оправдания своего поведения относительно Неронова и для окончательного его поражения.

Никон снял с Неронова скуфью и отправил его в ссылку после соборного суда. Но Неронов никогда не признавал правильности этого осуждения, и самый осудивший его собор не признавал настоящим собором. И царю, и царице и Стефану Вонифатьевичу, и всем вообще он всюду постоянно, настойчиво и убежденно доказывал и разъяснял, что он осужден неправильно, вопреки правилам св. апостол и св. отец, осужден Никоном по страсти, потому что Никон принял на себя «мучительский сан», чтобы безвинно «мучительно мучить» Неронова и его благочестивых друзей. Эти постоянные, настойчивые и страстные заявления Неронова, что Никон осудил его неправильно и незаконно, только теша свою страсть, побудили Никона позаботиться доказать несправедливость обвинений против него Неронова или что тоже: доказать, что Неронов был осужден законно и правильно. Это можно было сделать, передав дело о Неронове на рассмотрение другого — большего, чем первый, собора, а тем более такого, на котором бы присутствовали лица не только авторитетные, но и совершенно сторонние, чуждые всяких местных личных отношений и интересов и потому могущие порушить все это дело вполне беспристрастно. Такие лица тогда, нашлись в Москве. Это были: антиохийский

патриарх Макарий, молдавский митрополит Гедеон и никейский митрополит Григорий. 18 мая 1656 года Никон созвал собор, на котором присутствовали указанные восточные иерархи, русские архиереи, архимандриты, протопопы и другое духовенство, только сам Неронов не был приглашен на собор и суд над ним совершался заочно. Собор сначала рассмотрел прежнее соборное осуждение Неронова Никоном и нашел, что тогда Неронов осужден был на смирение в монастырь вполне законно и справедливо, так как он, «надувся гордостью бесовскою, не восхоте о своих злых вину принести, но еще и вящше иную злобу яви, и святыи собор укори, и досадительными неправильными словесы великого государя святейшего Никона па патриарха и всеи великия и малыя и белыя Росии укори окаянный он Иван и непреподобный». И когда собор правильна за это осудил его на смирение в монастырь, «он же, Иван, прощения от святого собора не взыска, но тай из монастыря убеже и обходя тайно, яко второй иуда, возмущает неутвержены в слове души. Еще же написа, непреподобный, многая ложная и несведома о великом государе царе и великом князе Алексее Михайловиче, всея великия и малыя и белыя Росии самодержце, и о великом государе святейшем Никон патриарх московском и всея великия и малыя и белыя Росии, и о святыи вселенских четырех патриарсех, отменяя греческого православия, отнюдуже по благодати Святого Духа вера наша возрасте, и утвердися, утверждается; еще же и старые книги, писанные на хартиях лет за двесте, и за триста, и за четыреста, и за пятьсот, и за шестьсот и множае — укори, и не суть виновны нашему спасению нарече. Ещеже, не спросив благословения и не примирився святей церкви и пострижеса от своего единомысленника из Переславля от даниловского архимандрита Тихона, имя себе нарек Григорий. И того ради его, Ивана Неронова протопопа, иже ныне Григорей, с его единомысленники осуди святыи собор: Иван Неронов, иже ныне в чернцах Григорей, и с своими единомысленники, иже не покоряющеса святому собору, от святыи единосущные Троицы и от святыи восточные церкви да будут прокляты».

Это соборное постановление об отлучении от церкви и проклятие Неронова и его единомышленников, торжественно и всенародно было провозглашено в Московском Успенском соборе, где служили Никон и антиохийский Макарий с другими иерархами. У Павла Алепского находится об этом следующий рассказ: «в воскресенье, после Вознесения, наш владыка патриарх служил в собор, вместе с патриархом Никоном, и они отлучили протопопа, который прежде состоял при царе. Это тот самый протопоп. которого Никон заточил, как только сделался патриархом, за то, что он уподобился Арию и стал еретиком, произнося хулу на четырех патриархов, и говоря о них, что они, по причин, порабощения их турками, лишились своей власти, и произносил также хулу на Духа Святого. Этот несчастный, убежав из заточения, возвратился в столицу, где и скрывался. Патриарх тщетно разыскивал его, чтобы схватить, но не нашел, потому что он постоянно менял свою одежду и перебегал с места на место. Наш владыка патриарх чрез дрогомана говорил пред всем народом так: назвал его вторым Арием, ибо как тот был протопопом в Александрии, так этот был протопопом в Москве, анафематствовал его, проклял и отлучил, а также всякого, кто послушает его слова. Певчие и священники пропели трижды — анафема».

Соборное осуждение и торжественное проклятие Неронова в высшей степени характерно для патриарха Никона в том отношении, что очень рельефно характеризует т. приемы, какие, иногда, Никон пускал в оборот, чтобы только добиться конечного осуждения своих личных противников.